

Объяснение и определение: специфика текстовой организации

Н. В. Шкурина
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье проводится сравнение двух речевых жанров — объяснения и определения — с целью доказать, что оба жанра, несмотря на их содержательное и интенциональное различие, формируются одним типом текста — объяснением. В каждом из жанров объяснительный текст имеет специфическую структурно-семантическую организацию, но в рамках одного функционально-смыслового типа речи

Ключевые слова: объяснение, определение, речевой жанр, тип текста, коммуникативная задача, целеустановка, композиционная структура, метаязык.

N. V. SHKURINA. *Explanation and Definition: Specifics of Textual Organization*

Abstract. The article compares two speech genres — explanation and definition — in order to prove that both these genre, despite the difference in content and intention, are formed by one type of text — explanation. In each of these genres explanatory text has specific structural and semantic organization, but within the framework of the same functional-semantic type of speech.

Keywords: explanation, definition, speech genre, text type, communicative task, intention, compositional structure, addressee, addresser, meta-language.

Объяснение и определение представляют собой важнейшие композиционно-смысловые единицы большинства научных текстов, отображающих фрагменты внеязыковой действительности. Их использование в текстах (и не только научной направленности) подчинено главной коммуникативной задаче — раскрыть понятие. Общность задачи привела к тому, что уже на уровне дефиниций эти два термина выступают как «близнецы-братья». Ср.:

Определение — объяснение (формулировка), раскрывающее, разъясняющее содержание; «раскрывает **сущность определяемых предметов**» [ФЭС 2004].

Объяснение — **раскрытие сущности** объекта... [НФС 2009].

Чтобы все-таки прояснить различие между этими двумя понятиями, нужно учитывать, что одно из них — объяснение — выступает в двух значениях: а) как речевой жанр и б) как тип текста. Первое значение предполагает, что объяснение — самостоятельный речевой жанр, который рассматривается в соответствии с теорией М. Бахтина как готовая форма речи в типичных ситуациях. Таким же самостоятельным речевым жанром является и определение. Из этого следует, что объяснение и определение представляют собой различные первичные речевые жанры, т. е. различные коммуникативно-лингвистические модели, которые воспроизводятся в пределах конкретной общественно-коммуникативной сферы и характеризуются закрепленными за ними стандартными речевыми ситуациями. Поскольку эти стандартные речевые ситуации довольно близки интенционально, то они «обслуживаются» одним типом текста — объяснением (именно таково второе значение термина «объяснение»). А так как речевой жанр и тип текста именуется одним словом, то и происходит смешение двух значений термина «объяснение» и неточность в понимании термина «определение» с точки зрения лингвистики.

Как видим, в основе философского толкования заложена функция обоих понятий выявить **сущность** определяемого или объясняемого объекта, и, таким образом, словарные толкования этих терминов доказывают, что *определение и объяснение* — это речевые жанры, имеющие одну общую для них задачу. А толкования терминов *определение и объяснение* в современных лингвистических словарях, по сути дела, представляют их синонимами. Ср.:

Определение — интеллектуальная деятельность, представляющая собой анализ, сопоставление, обобщение, результатом которого является объяснение, раскрывающее сущность чего-либо [БТСБ 2005].

Определение — объяснение, раскрывающее, разъясняющее содержание, смысл чего-нибудь [ТСОШ 2009]. Очевидно, что в предложенных дефинициях происходит смешение понятий речевой жанр и тип текста.

Несмотря на похожую задачу, которую выполняют определение и объяснение, целеустановки для каждого из речевых жанров свои. Так, для *определения* важно дать информацию, **знания** о предмете или явлении, в то время как для *объяснения* раскрытие сущности объясняемого предполагает не только информацию, но прежде всего **понимание** этой информации (*— Я объяснил. Ты понял или не понял?*). Для примера сравним определение и объяснение одного и того же понятия — «язык».

Согласно словарю лингвистических терминов, *язык есть естественно возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая система, обладающая свойством социальной предназначенности, т. е. система, существующая не для отдельного индивида, а для определенного социума* [ЛЭС 1990].

Далее в том же словаре читаем: *Язык является основной общественно значимой формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т. е. формой хранения знаний о действительности (эпистемическая функция), а также средством получения нового знания о действительности (познавательная, или когнитивная, функция)... В то же время язык является основным средством человеческого общения (коммуникативная функция), средством передачи информации от говорящего к слушающему. В силу этого свойства языка естественным образом согласованы с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека, составляющей важнейший аспект его социального поведения...* [Там же].

Первая часть текста, где «язык» определяется как семиотическая система, передает самую общую информацию об объекте (язык — не техническое

устройство, а семиотическая система), т. е. представляется как раз образцом определения. Но все ли возможно понять «про язык», исходя только из этого определения?! За пределами определения остается много вопросов: как, зачем и т. п. Именно для ответов на вопросы, необходимых для **понимания** рассматриваемого объекта, определение сопровождается уточняющими и дополняющими сведениями. В частности, уточняется сфера бытования языка, перечисляются его функции. При этом в этих уточнениях и дополнениях продолжается раскрытие сущностных особенностей объекта, без которых данное выше определение является неполным и, безусловно, не вполне понятным.

Таким образом, передавая сущностные характеристики объекта, определение очевидно представляет собой разновидность объяснения, но информационно кратким, отражающим самую главную, основную особенность объекта. «Причем слова «главное», «основное» означают, что именно это качество порождает существование реалии, является причиной ее бытия в мире человека, выступает как ее системообразующий, «реалиепорождающий» фактор» [Рудяков 2012: 18], но для раскрытия этих системообразующих и реалиепорождающих факторов необходимо последующее объяснение как речевой жанр, который, как и формулировка определения, воплощается объяснительным типом текста, но наполняется уже иным содержанием. Такое содержательное различие между жанрами не может не повлиять на коммуникативную и структурно-семантическую организацию их текстов.

Во-первых, в обоих случаях наблюдается различная установка на адресата. Так, в большинстве справочных изданий (если это не специально ориентированная учебная литература), определение может быть не вполне доступным для всеобщего понимания, так как главная задача автора или коллектива авторов — дать информацию, а кто ею воспользуется — не так для них важно, хотя какое-то элементарное прогнозирование, вероятно, существует.

В отличие от жанра «определение», для жанра «объяснение» адресат является не просто важным, но необходимым коммуникантом, т. к. именно адресат в этой коммуникативной паре является целью адресанта: нужно сказать так, чтобы ему, воспринимающему, было ясно, понятно, иначе этот коммуникативный контакт окажется безуспешным, а следовательно, бесполезным.

Таким образом, если для определения цель и требование сделать ясным и понятным не является первоочередным: словарные и справочные тексты,

содержащие определения, имеют довольно широкого адресата, которого трудно спрогнозировать, то такое требование для объяснения является первостепенным условием, т. к. объяснение всегда ориентируется на аудиторию.

Часто бывает так, что в определении не вполне достаточно или она сама по себе довольно сложная. В таком случае за определением непременно следует разъяснение в виде более доступного объяснения, так как «уточнение, пояснение уже введенного термина должны осуществляться через термины, значения которых уже известны, более ясны и понятны, чем значение уточняемого термина» [Горский, 1974: 105]. Именно с этим связано то, что в научных и научно-популярных статьях объяснение, как правило, сопутствует определению.

Требование адресности объяснения порождает и разнообразие речевых форм, в которые облачается объяснение: если адресатом является личность, равная автору по информированности (например, коллеги), то объяснение сменяется аргументацией. Если адресат уступает автору в компетентности, то объяснение содержательно упрощается в соответствии с уровнем подготовленности адресата. Достаточно сравнить объяснение в школьных и вузовских учебниках с монографиями по одному и тому же вопросу.

Во-вторых, для речевого жанра важна не только содержательная сторона, но и формальная — какими типовыми композиционными и языковыми средствами воплощается целеустановка, заложенная в информации. Так, тип объяснительного текста в определении имеет по сравнению с объяснением довольно жесткую семантико-синтаксическую структуру, выражаемую моделью *что — что* и ее вариантами: *что есть что; что является чем; что представляет собой что*. Такая номинативная модель способствует построению определений синонимического (*оригинал — подлинник*) или родо-видового типа (*компьютер — устройство, операция — процесс*). Эти модели далеко не исчерпывают всех возможностей выражения определения, но приводятся здесь как наиболее типичные. Кроме того, для определения характерна упрощенная синтаксическая структура, состоящая чаще всего из одного предложения, хотя это предложение может быть осложнено обособленными элементами в качестве описательной части, которые позволяют указать существенные отличительные признаки объекта.

Речевой жанр объяснение представляется гораздо большим количеством текстовых моделей, которые в равной степени соответствуют заданной интенции. Обычно это семантико-синтаксические формулы:

что необходимо для чего; что обусловлено чем; что типично/характерно/присуще/свойственно чему; что по сравнению с чем, что составляет что и т. п. Вариант модели выбирается соответственно содержательной стороне объяснения (характеристика, квалификация, классификация, сравнение и т. п.). При этом для объяснения, как уже показывалось на примере понятия «язык», характерна более усложненная структура целого текста, в котором «все коммуникативно значимые части относятся друг к другу, как отдельные к отдельному в рамках общего. Другими словами, ...все части находятся на «оси» общего замысла» [Колкер 1976: 73]. Для облегчения восприятия и понимания информации в объяснении могут использоваться таблицы, рисунки, схемы, разнообразные креолизованные тексты, которые, в отличие от вербальных, представляют собой может быть несколько избыточную информацию, но направленную на облегчение восприятия.

В-третьих, объяснение предполагает использование метаязыка, что исключено в *определении*, которое лаконично, стремится к универсальности, не предполагая авторской включенности. Вот пример из беседы с доктором псих. наук В. Слободчиковым:

— *Инфантилизм — болезнь современности, имеющая довольно тяжелые последствия. В чем причина этой болезни?*

— *Как мне представляется, одна из главнейших обязанностей мужчины — быть ответственным. Это слово — «ответственность» — часто понимают по-разному. С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» объясняет ответственность как необходимость, обязанность отвечать за свои поступки, действия. Ответить — дать ответ, отозваться, отчитаться за свою деятельность. Отвечающий всегда предполагает наличие вопрошающего. Для верующего человека вопрошающий — это Господь, и этим определяются все дальнейшие действия мужчины. Главная миссия мужчины в этом мире — быть ответственным за тех, кого он ведет за собой, быть главой, отвечающим за всех перед лицом высшей инстанции...*

А теперь давайте на секунду представим, что этой вопрошающей инстанции нет. Если ее нет, то мужчина остается без смысла жизни: вместо деятельности ради кого-то (семьи, детей и т. д.) остаются неведомые внутренние потребности, влечения [Берсенева, Савельева: URL].

Т. о., сравнение речевых жанров *определение* и *объяснение* позволяет сделать вывод, что оформленные одним типом текста (объяснением) оба речевых жанра имеют различную специфику содержания и

организации этого типа текста, что диктуется различными жанровыми целеустановками. Тем не менее эти жанры находятся в отношениях взаимодополняемости, что приводит к их обычному сосуществованию в одном тексте, но и не противоречит их раздельному, самостоятельному употреблению.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева А. А., Савельева Ф. Н. Мужчины с ограниченной ответственностью. URL: http://www.zavet.ru/a/post_1332003156.html (дата обращения 7.11.2014).

БТСБ: Большой толковый словарь русских существительных под общей ред. проф. Л. Г. Бабенко М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

Горский Д. П. Определение. М.: Мысль, 1974.

Кибрик А. Е. Язык. Лингвистический энциклопедический словарь М., 1990.

Колкер Я. М. Анализ текста путем выделения коммуникативных блоков как один из приемов проверки

его большей или меньшей доступности для восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука, 1976. — С. 73–77.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

НФС: Новейший философский словарь. 2009. URL: <http://www.ucheba.sn/dictionary/word/1133300> (дата обращения 7.11.2014).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд., М.: ИТИ Технологии, 2006. (ТСОШ).

Рудяков А. Н. Язык или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2012.

ФЭС: Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А. А. Ивина. М.: Академический проект, 2004.

ДАнные об авторе

Шкурина Наталья Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Эл. почта: natalia.shkurina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Shkurina Natalia Vasilievna is a Candidate of philological Sciences, Associate Professor of Russian as a foreign language and the methods of its teaching of the St. Petersburg State University, Faculty of Philology.